

Ушел в монастырь. Просьба не беспокоить.

За последнее десятилетие в России появилось более семисот монастырей и их подворий.

Почему сегодня тысячи современников уходят из мира? Что они находят за закрытыми от общества монастырскими стенами?

Изгнание черта

Добираюсь в отдаленный таежный поселок Могочин. Эта сибирская глухомань имеет печальную известность. Даже местные говорят: Бог создал рай, а черт - наш Нарымский край. Сейчас здесь главной достопримечательностью становится Свято-Никольский женский монастырь.

После шести часов пути меня довозят только до деревни Нарга. Монастырь - на другой стороне Оби. Дальше нужно идти пешком пять с лишним километров.

Монастырь сразу поразил своей громадностью, высоченными стенами, величественным храмом и многочисленными сводчатыми окошками келейных корпусов. Все сделано из камня и монолитного бетона. Среди приземистой могочинской застройки это - Кремль. А с учетом бездорожья и царящей вокруг разрухи - чудо. Отец Иоанн с горсткой подвижников первые работы начал здесь в 1989 году. Все делалось и делается до сих пор исключительно на пожертвования.

Сам поселок еле дышит. Лесозавод, на котором он раньше держался, расташен. На его воротах остался только обрывок огромного плаката с двумя словами: "Товарищ, помни..." Перспективы у Могочина призрачные. Ценный лес вырубили вокруг километров на семьдесят. Новый вырастет только лет через сто.

Единственное бурно развивающееся "предприятие" в поселке - монастырь. Его община насчитывает уже около шестисот человек. Причем едут в обитель отовсюду. В том числе из Израиля, Польши, Молдовы, но в большинстве - сибиряки.

Матушка Иоанна здесь с самого основания:

- Себя смирять и людей терпеть - самое трудное в монастырской жизни. Вначале очень многие приходили к нам не под влиянием сердца, а ради живота. Здесь ведь и угол дают, и кашу. А как послабление в городе пошло, зарплаты начали платить - они назад потянулись. Теперь больше тех, кто пришел душу спасать.

Затесь первая ("затесь" по-сибирски - зарубка на память). Сосланный в Нарымский край Stalin вскоре напишет, что "будет бороться против всяких религиозных репрессий и... гонений". Когда он придет к власти, в Нарыме откроют "мемориал вождя". В Могочине - комендатуру НКВД. И сюда же по его указанию сошлют более 200 тысяч "врагов народа", в том числе священников.

Судьба у этих мест - почти три века беспрестанных ссылок. Единственная "передышка" наступила лишь в наше время. И сразу здесь начали возводить то, чего никогда не было, - храм и монастырь. Слишком много неотмоленных грехов познала эта земля.

Душа закрылась

Привычное мнение об иноках как о затворниках, проводящих все время в божественных размышлениях, мало соответствует действительности. Они - физически и духовно - чернорабочие. Здесь даже понятие "свободного" времени и то условно. Начинается оно около полуночи и длится до пяти утра. Все остальное время - работа и многочасовые молитвы. Черный цвет их одежд - вовсе не случаен. Это одновременно и символ скорби, и повседневная "спецовка".

В самой обители живут около ста пятидесяти человек. (В том числе и несколько монахов, которые скоро начнут строить на Волоке мужской монастырь.) Некоторые корпуса еще не доделаны, и поэтому часть монашествующих уходит ночевать "за ограду". Там же, за стенами, живет и основная часть общины. В том

числе - семейные, которым еще рано думать о постриге. Прежде им детей нужно поднять на ноги.

Новоначальных и работающих на монастырские нужды называют здесь трудницами. Благословленных на путь в монашество - послушницами. И только устоявшие перед всеми соблазнами становятся монахинями. Этому предшествует принятие главных обетов: нестяжания (отказа от собственности), целомудрия (безбрачия) и послушания (абсолютного повиновения).

Окончательное отречение монахини от мира происходит с получением нового имени. Как раз об этом мечтает послушница Людмила. В монастыре она живет уже третий год. Привыкла к жесткому аскетизму. Но путь к смирению у нее только начался:

- Я хочу вернуться назад... Нет, не в мир... В миру сейчас нет мира. Как и нет настоящей любви. Я хочу вернуться назад к себе. Стать человеком.

- Вы здесь лишиены свободы выбора, информации. Можно ли такой путь назвать самосовершенствованием?

- Я очень рада, что ограждена от телевизора, книг, газет. Нет потребности. Но по благословению нам могут позволить читать, например, Достоевского...

- И Чехова и Толстого?

- Алексея Толстого. Но если есть время, то читаем мы в основном духовные книги.

Затесь вторая. Размашистая в этих местах Обь ведет себя разгульно. Бывало, что паводком смывало целые улицы в близлежащих селениях. В Могочине от этой беды давным-давно защитились дамбой. Но весной и она не выдержала большой воды. Из местной администрации тут же начали "кричать" по радио о срочном сборе. Побежали по поселку созывать людей. Не вышли. Сами себя спасать не бросились. Дожили.

...Все монастырские появились на дамбе уже через пятнадцать минут. Они и спасли тогда поселок от затопления. А в мой приезд - и от замерзания: "оживили" котельную.

Транзитом через совесть

Из всех монастырских трудностей легче всего привыкнуть к скучной пище. Трапезничают монахини два раза в день. Вот характерное обеденное меню. На первое - водянистые щи. На второе - перловка. Салат из морковки. Кисловатый серый хлеб. Чай. Причем кашу здесь, как и все остальное, маслом никогда не "портят". Мясо - запрещенный продукт. Не допустим даже куриный бульон.

- Для мирских наша жизнь кажется дикой, - просвещает меня своим ангельским голосом матушка Анастасия, не поднимая глаз. - Они стремятся к комфорту, а мы, наоборот, к аскетизму. Человеческие немощи: гордость, тщеславие - как погибель для нас. От этих внутренних грехов мы должны избавиться и стать смиренными.

"Лестницей на небо" как раз и называют в монастырях послушничество.

Видел я, как дается это блаженство через покорность. Монашеские лица, не знающие косметики, и огрубевшие от крестьянской работы руки - говорят лучше всяких слов. У некоторых послушниц иноческая печаль уже добавила ниспадающие морщинки к мирским "складочкам" от прежней улыбки. У других - не проходящие круги под глазами.

Вполне естественно, что многие из новеньких послушниц не выдерживают такого жесткого аскетизма. Но когда в местной администрации я спросил о выбывших, оказалось, что поселковская "текучесть" значительно превышает монастырскую. Вывод напрашивается однозначный: большинство пришли сюда не по слепой набожности и не из-за куска хлеба. Причем около половины монашествующих - с высшим образованием. Некоторые - с учеными степенями и знанием нескольких языков.

Нынешняя наполненность монастырей - это как диагноз нравственного состояния государства и общества, в котором хрупкий интеллектуально-культурный слой безжалостно раздавливается катком экономической свободы.

Затесь третья. Монашество в Советском атеистическом словаре характеризуется как зародившаяся "форма пассивного протesta против бесчеловечных условий жизни, как жест отчаяния и неверия в возможность изменить эти условия".

Джип во спасение?

Спрашиваю игумена Силуана, настоятеля Богородице-Алексиевского монастыря в Томске:

- У вас тоже, как и в других обителях, не оформляются трудовые отношения и не делаются пенсионные отчисления?

И он мне обстоятельно поясняет:

- Трудовых книжек не ведем. Монах есть монах, и он всегда будет при церкви.

- Но ведь есть еще послушники и трудники...

- Да, но для нас это дико, чтобы они получали в монастыре деньги. Ведь изначально мы их берем не на работу. И наше законодательство совершенно не предполагает, что человек может работать, не получая зарплаты.

- То есть исключенный из братии или ушедший по собственной воле оказывается с многолетним прочерком в жизни?

- Это не внутрицерковная проблема. Она порождена неправильным отношением светской власти к монастырям.

Монастырь в Могочине уже знает несколько тяжб и препирательств на этой почве. И хотя отец Иоанн заверил, что всем "возвращенцам" все отдали, но договоров о безвозмездной передаче имущества здесь никто никогда не заключал и заключать не собирается, потому что "живем мы по инструкции божьей".

Ведь монастырь отделен законной стеной от государства, общества, и механизмы этих взаимоотношений и контроля до сих пор не выработаны. Вот и судачат миряне о главном могочинском монахе - игумене Иоанне, что сам он разъезжает на новеньком "Лэнд Крузере", а в убогой трапезной вместо стаканов - баночки из-под майонеза. И от этой правды никуда не денешься, как и от той, что в храме сделан пол с подогревом, чтобы прихожане не мерзли. Что обитель кормит обездоленных, дает им приют и что дети из общины одеты получше поселковских.

Затесь четвертая. Одна из жительниц Могочина пишет во все инстанции жалобы. Возмущается, что построенная рядом с ее домом монастырская стена заслонила солнце. И ходит молиться в храм, который расположен за этой же стеной.

Одним миром мазаны

Факт бесспорный: уже сегодня Свято-Никольский монастырь стал крупным дееспособным собственником. К нему же через какое-то время перейдет и реальная власть в Могочине. И тем самым мы вновь столкнемся со старой проблемой "государства в государстве". Причем с проблемой очень давней, которую в итоге всегда решали жестким силовым способом. Достаточно напомнить, что при Екатерине II были забраны все церковные вотчины, а число уничтоженных обителей оказалось даже большим, чем при Советской власти. И каждый раз монастыри возрождались и вновь становились зажиточными.

Перед революцией они владели почти миллионом гектаров земли, десятками промышленных производств и огромнейшими денежными капиталами. Аскетизм отдельных монахов странным образом стал уживаться с богатством самих монастырей. Не случайно исследователь русской святости Г. Федотов, говоря об истории выбора духовных путей, сделает отрезвляющий вывод: "борьба с собственностью на Руси была труднее, чем с грехами плоти". И приведет пример, как преемники Сергия Радонежского, продолжая поклоняться ему, примут в дар монастырю те самые села, от которых категорично отказывался при жизни их наставник. Преподобный бессребреник Сергий был уверен, что такое владение имуществом станет помехой духовному служению.

А отсюда и вытекает закономерный вопрос: по какому пути благочестия пойдут современные монастыри?

Когда я спрошу архиепископа Новосибирской епархии Тихона о самых животрепещущих проблемах в "подведомственных" ему тридцати обителях, он скажет не задумываясь: "Такие же, как и в миру, - нравственные. Старые традиции утеряны. И никто не знает, что получится из новых монастырей. Когда человек только родился - кто скажет, кем он вырастет?!"

Затесь пятая. Матушка Иоанна, убедившись, что пришел я не в обличье дьявола, тихонечко сказала сокровенное: "И в миру не все погибнут, и в монастыре не все спасутся. От каждого из нас это зависит".

Олег Нехаев

Автор: Артур Скальский © Российская газета РЕЛИГИЯ, МИР № 3733 07.02.2003, 18:07 283
URL: <https://babr24.com/?ADE=5969> Bytes: 10910 / 10787 Версия для печати Скачать PDF

 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)